

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

В.Е. Гимпельсон, А.Ю. Ощепков

**УРОВЕНЬ И СТРАХ БЕЗРАБОТИЦЫ:
ЕСТЬ ЛИ МЕЖДУ НИМИ СВЯЗЬ?**

Препринт WP3/2010/06
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Москва
2010

Гимпельсон, В. Е., Ощепков, А. Ю.

Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь?* : Препринт WP3/2010/06 [Текст] / В. Е. Гимпельсон, А. Ю. Ощепков ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 52 с. – 150 экз.

В работе обсуждается эволюция страха безработицы на российском рынке труда и анализируются влияющие на него факторы. Особое внимание уделяется связи между страхом безработицы и объективными показателями рынка труда. Анализ строится на данных РМЭЗ за 1994–2008 гг., а для измерения безработицы используются уникальные специфически-групповые показатели безработицы, рассчитанные авторами. Результаты показывают, что уровень фактической безработицы практически не влияет на интенсивность исследуемых страхов. Прошлый опыт безработицы не влияет на страх потерять работу, но усиливает обеспокоенность в связи с возможным поиском новой работы.

УДК 331.56
ББК 65.240

Гимпельсон В.Е. – ЦеТИ Государственного университета – Высшей школы экономики
Ощепков А.Ю. – ЦеТИ Государственного университета – Высшей школы экономики

* Работа выполнена в рамках проекта «Политическая экономия реформирования рынка труда», поддержанного Фондом Фольксваген. А. Ощепков также отмечает финансовую поддержку академической мобильности в рамках подготовки данной работы, предоставленную Центром повышения квалификации ГУ ВШЭ. Авторы благодарны Р. Капелюшникову, Х. Леману, В. Магуну, Д. Трейсману за полезные комментарии.

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики
размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Гимпельсон В. Е., 2010
© Ощепков А. Ю., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2010

Страх то окрыляет нам пятки..., то,
напротив, пригвождает и сковывает нам
ноги...».

М. Монтень. Опыты. Книга I, Глава XVIII

...Какова бы ни была истинная причина
страха, его трудно отключить после того,
как он включен

Эл Гор, The Politics of Fear

1. Введение

Страх – одна из наиболее сильных человеческих эмоций, влияющая на многие аспекты человеческой жизни. Широко известная поговорка «страх – плохой советчик» говорит о том, что поведение, провоцируемое чувством страха, может вести к неоптимальным результатам. «И впрямь, я наблюдал немало людей, становившихся невменяемыми под влиянием страха; впрочем, даже у наиболее уравновешенных страх, пока длится его приступ, может порождать ужасное ослепление», – писал М. Монтень в «Опытах»¹.

Поскольку рынок труда допускает существование состояний, которые для людей чреваты болезненными потерями, то страх оказаться в них может быть естественным, распространенным и сильным чувством. Таким нежелательным состоянием, связанным с большими материальными, социальными и эмоциональными издержками, является потеря работы и связанная с этим безработица. Исследования последних лет показывают, что страх безработицы влияет на разные аспекты жизни людей. Он оказывает понижающее воздействие на заработную плату², ограничивает потребление³, негативно влияет на здоровье⁴, подавляет субъективное благополучие и ослож-

¹ Монтень М. Опыты. М.: Наука, 1979. С. 72.

² Blanchflower (1991), Aaronson and Sullivan (1998), Campbell et al. (2007), Blanchflower and Shadforth (2007).

³ Benito (2006), Stephens (2003).

⁴ Burgard et al. (2009).

няет взаимоотношения в семье⁵, сказывается на политическом поведении людей⁶.

Для исследователей рынка труда страх безработицы и его распределение по группам населения также представляет интерес по нескольким дополнительным причинам.

Во-первых, выражая свои страхи, связанные с потерей работы, работники оценивают эффективность системы социальной *защиты*, призванной обеспечивать определенный уровень защищенности. Если эта система работает эффективно, то даже высокая вероятность потери работы не должна ассоциироваться у работников с приближающимся «концом света».

Во-вторых, страх безработицы, учитывающий информационную асимметрию и формирующийся во многом под воздействием ненаблюдаемых факторов, может отражать *вероятность будущей безработицы* и тем самым выступать в качестве опережающего индикатора. Как мы знаем, ожидания людей, в свою очередь, во многом определяют их будущее поведение.

В-третьих, страхи людей часто используются политиками как *удобный инструмент манипулирования*. Запуганные люди готовы согласиться на ограничение многих свобод и этим готовы воспользоваться склонные к авторитаризму политики. Однако и в демократических странах страх часто облегчает политикам достижение своих целей⁷.

В-четвертых, распространенность страха безработицы среди работников стимулирует политиков к проявлению дополнительной «заботы» — к *усилению регулирования рынка труда*, включая ужесточение законодательства о защите занятости. Это, в свою очередь, может вести к сокращению защищенных рабочих мест (с бессрочными трудовыми контрактами в корпоративном секторе) и расширению сегмента незащищенных рабочих мест (с временными трудовыми кон-

---

⁵ Burchell (1994).

⁶ Mughan and Lacy (2002).

⁷ Очевидным примером такого использования страха является борьба с терроризмом в США после теракта 9/11 (см. материалы конференции «Fear: Its Political Uses and Abuses», Social Research. Vol. 71. No. 4). Аналогично страх использовался и в России после терактов в Москве или Беслане, когда люди легко отказывались от своих гражданских прав и свобод.

трактами или в неформальном секторе), тем самым еще более усиливая ощущение страха потери работы. Возникает порочный круг, который затем трудно разорвать⁸.

В-пятых, страх может служить и более частным интересам. Например, подогревая или поддерживая страх безработицы с помощью завышенных прогнозов, министерство, отвечающее за программы занятости и помощи безработным, может претендовать на выделение из бюджета дополнительных финансовых ресурсов и тем самым стремиться повысить свой административно-политический статус. Крупные предприятия также могут успешно играть на поддержании озабоченности как среди своих работников, так и среди высокопоставленных чиновников. Свои работники, опасаясь безработицы, легче соглашаются на сокращение заработной платы в той или иной форме. Правительство же, опасаясь социальных протестов (и, как следствие, падения рейтинга популярности), которыми грозят (как им кажется) массовые сокращения, готово предложить банкроту очередной спасательный круг. В итоге возможна двойная выгода и опыт «спасения» «АвтоВАЗа» в кризисном 2009 г. это наглядно иллюстрирует⁹.

В то же время число исследований, посвященных страху безработицы, по-прежнему ограничено, и многие вопросы, касающиеся субъективного восприятия социальной защищенности на рынке труда, особенно в условиях переходной экономики, остаются пока без ответа. Например, нет полной ясности в том, как формируется этот страх. Является ли он константой (например, внутренней характеристикой личности, слабо меняющейся во времени и мало зависящей от внешних обстоятельств) или переменной величиной, отражающей текущую конъюнктуру на рынке труда? Какие группы работников более склонны к проявлению подобных эмоций? Какие факторы на это влияют? Наконец, какова связь между такого рода ожиданиями, с одной стороны, реальной ситуацией на рынке труда, с другой, и поведением людей, с третьей? И это лишь некоторые

---

⁸ Clark and Postel-Vinay (2007).

⁹ В сентябре 2009 г. «АвтоВАЗ» сообщил о намечающемся крупномасштабном сокращении персонала — примерно на 30%. Однако после немедленного вмешательства правительства эти планы были отменены, поскольку оно испугалось социальных и политических последствий. Как сказал И. Шувалов, «мы не позволим “АвтоВАЗу” самому это решать» [см. «Ведомости». 09.10.2009].

исследовательские вопросы, возникающие в связи с этой проблемой.

В фокусе данной работы находится лишь один из этих вопросов — мы анализируем связь между фактической безработицей и субъективным страхом безработицы. Есть ли она? Логично ожидать, что более высокий уровень безработицы транслируется в соответствующий страх, испытываемый индивидами, действующими на рынке труда. Многие исследования подтверждают наличие такой связи. Например, Schmidt (1999) показывает, что в США динамика уровня страха тесно согласуется с динамикой уровня фактической безработицы на национальном уровне, и при этом рост безработицы на региональном уровне усиливает индивидуальные страхи. Green et al. (2000) обнаруживают положительное влияние региональной безработицы на страх перед безработицей в Великобритании, а выполненные симуляции показывают, что даже небольшие изменения в безработице оказывают на страхи сильный эффект. Этот результат подтверждается в работе Campbell et al. (2007), свидетельствующей о том, что прошлый личный опыт безработицы усиливает текущий страх перед безработицей.

Есть основания полагать, что на российском рынке труда связь между фактической безработицей и индивидуальным страхом перед ней может быть нарушена. В период с 1998 по 2000 г. на фоне быстрого послекризисного восстановления российской экономики уровень безработицы сократился с более чем 13 до менее 9%, но при этом почти 70% работников, боявшихся потерять работу в 1998 г., сохранили прежний уровень страха и в 2000 г. В последующий период (2000–2007 гг.) на фоне мощного экономического роста и дальнейшего сокращения уровня фактической безработицы с 10 до 6% доля работников, боящихся потерять работу, сократилась с 58 лишь до 53%, но при этом никогда не опускалась ниже 50%. Устойчивость высокого уровня страха безработицы в российском обществе в эти годы является тем более удивительной, что проявлялась на фоне быстрого распространения жалоб на дефицит рабочей силы и несмотря на политический курс российских властей на обеспечение «стабильности» во всех сферах жизни общества, в том числе социальной защищенности на рынке труда.

Страх безработицы среди российских работников и факторы, его вызывающие, изучались ранее в двух работах — Гимпельсон, Капе-

люшников, Ратникова (2003)¹⁰ и Linz and Semykina (2008)¹¹. Результаты этих исследований во многом совпадают и отмечают некоторые аномалии, существующие на российском рынке труда в сравнении с развитыми странами. Например, то, что страх безработицы гендерно не нейтрален — у женщин он выше, чем у мужчин, или то, что он усиливается с возрастом и с увеличением специфического стажа работы. Что же касается связи между фактическим состоянием рынка труда и страхом безработицы, то авторы обеих работ приходят к выводу о том, что в начале переходного периода влияние уровня фактической безработицы в регионе на индивидуальный страх потерять работу не прослеживалось, но в дальнейшем оно стало статистически заметным.

В данной работе мы подтверждаем многие результаты предшествующих исследований, однако приходим к иному выводу относительно наличия связи между страхом безработицы и фактической безработицей. Мы показываем, что фактический уровень безработицы, измеряемый с помощью различных альтернативных показателей, слабо влияет на индивидуальные страхи. Контроль наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик работников и рабочих мест не меняет этот вывод. Даже при наличии статистической значимости любой из используемых нами объективных показателей локального рынка труда оказывает слабое практическое влияние на вероятность того, что работник будет испытывать страх потерять работу. Более того, наличие индивидуального опыта безработицы также не влияет на уровень страха перед безработицей.

Статья состоит из Введения, шести разделов и Заключения. В разделе 2 рассматривается эволюция ситуации на рынке труда и динамика отражающих её субъективных оценок. Описание исследовательской методологии и используемых данных дано в разделе 3. Раздел 4 посвящен дескриптивному анализу показателей страха. В разделе 5 приводятся и обсуждаются эконометрические оценки, а в разделе 6 анализируется масштаб влияния безработицы на страх безработицы на основе расчета условных вероятностей. В Заключении подводятся итоги и намечаются дальнейшие исследовательские шаги.

---

¹⁰ Гимпельсон и др. (2003).

¹¹ Linz and Semykina (2008).

2. Тенденции на рынке труда, институциональные изменения и страх безработицы: 1994—1998 гг. и 2000—2008 гг.

Основные тенденции на рынке труда

Экономические реформы 1992 г. дают начало современной истории российской безработицы. В том же году впервые было проведено обследование рабочей силы (обследование населения по проблемам занятости или ОНПЗ), ставшее затем основным и стандартным инструментом регулярного измерения ситуации на рынке труда. Исходной точкой этой истории является уровень безработицы в 5,2%. Безработица постепенно росла до 8,1% в 1994 г. и вскоре после финансового кризиса 1998 г. перешла в область двузначных значений, достигнув 13,3%. Рекордный (для России) уровень, равный 14,6%, был достигнут в I квартале 1999 г. Однако уже со II квартала он стал быстро снижаться, реагируя на возобновление экономического роста.

Уровень безработицы последовательно снижался на протяжении всего периода 2000—2007 гг. и к началу 2008 г. опустился ниже значения в 6%. Доля потерявших работу из-за высвобождения/сокращения/ликвидации организации среди всех безработных снизилась с 26% в 2000 г. до менее 19% в 2008 г.¹² На оживление экономики быстро реагировали и все другие показатели рынка труда. Уровень занятости возрос с 58,5 до 63%, практически полностью рассосались накопленные долги по заработной плате, сузились ареалы неполной занятости, увеличилась годовая величина отработанного рабочего времени. При этом проблема «навеса» избыточной занятости — ещё недавно доминировавшая среди потенциальных угроз — практически исчезла из дискуссий экспертов и работодателей, уступив свое место обратной проблеме — «угрозе тотального дефицита рабочей силы»¹³. Показатели найма все время оставались высокими, коррелируя с наличием и доступностью вакансий. Однако наиболее впечатляющей всё же была динамика заработной платы: её средняя величина в реальном выражении, согласно Росстату, прирастала на 12—

¹² Этот показатель, однако, вновь подскочил до 28% в 2009 г.

¹³ Отметим, что авторы никогда не разделяли мнение о подобной угрозе. См. Гимпельсон, Капелюшников, Лукьянова (2008).

15% в год на протяжении всего этого периода. В итоге к 2008 г. российский рынок труда уже казался рынком продавца, в роли которого выступали работники. Другими словами, он выглядел абсолютно иначе, чем в 1999 или в 2000 г., и каждый это мог почувствовать и чувствовал на себе. Все эти достижения широко пропагандировались СМИ и политиками и должны были быть всем хорошо известны, ослабляя тем самым потенциальный градус страха безработицы.

Конечно, более подробный взгляд рисует не столь однозначную картину. Численность работающих в организациях всех видов, т.е. там, где рабочие места защищены Трудовым кодексом, сократилась с 52 до примерно 48 млн человек. Возрос удельный вес временной — т.е. нестабильной и уязвимой — занятости, существенно расширился неформальный сектор. Увеличилась доля работников с коротким специальным стажем¹⁴. Другими словами, доля работников на волатильных рабочих местах и имеющих «плохой» трудовой контракт, непрерывно возрастала¹⁵. Хотя этот аспект рынка труда реже обсуждался политиками и в ведущих СМИ, но был хорошо известен многим из их личного — и далеко не всегда позитивного — опыта. Такое непосредственное знание могло поддерживать у людей ощущение незащищенности и неопределенности, а следовательно, и повышенной тревожности. Однако, судя по высоким значениям показателей найма, потеря незащищенного рабочего места в этот период относительно легко компенсировалась нахождением другого такого же.

Конечно, экономический кризис 2008 г. не мог не затронуть рынок труда, хотя это влияние стало проявляться со значительным лагом. Несмотря на периодические объявления массовых сокращений, в 2008 г. самих сокращений было не так много. Уровень безработицы в IV квартале 2008 г. пока еще составлял умеренные 7%, но это уже был рост на 1,3 п.п. по сравнению с 2007 г. Правда, существенно изменилась динамика других показателей рынка труда: началось снижение реальной заработной платы и вновь возникли задолженности (хотя и небольшие по объему), стала быстро распространяться неполная занятость¹⁶. Ожидание и обсуждение массовых сокращений

¹⁴ Мальцева (2009).

¹⁵ Нестандартная занятость в российской экономике (2007).

¹⁶ Подробный анализ реакций рынка труда в условиях кризиса 2008—2009 гг. представлен в Капелюшников (2009).

на крупных и крупнейших предприятиях стало одним из фокусов внимания в СМИ и фактором массовой озабоченности.

Таким образом, развитие фактической ситуации на рынке труда в обсуждаемый период могло влиять на субъективные ожидания неоднозначно — как сдерживая массовые страхи, так и провоцируя их. Этот баланс, однако, мог сильно варьировать по группам занятых.

Институциональные изменения

В первой половине 1990-х годов шло формирование институционального каркаса рынка труда. В этот период были заложены все основные институты, которые с большими или меньшими модификациями действуют и сегодня. Однако эта сфера экономики никогда не была приоритетной для властей, а основной — явной или нет - задачей институционального строительства было недопущение массового высвобождения рабочей силы. В 1990-е годы и МРОТ, и коэффициент замещения для пособий по безработице оставались низкими, окончательно сформировалась привязка переменной части заработной платы к финансово-экономическим возможностям предприятий и организаций. Это обеспечивало значительную гибкость оплаты труда и позволяло ей относительно легко «переваривать» даже очень сильные внешние шоки¹⁷. При этом трудовое законодательство, материализованное в перелатанном советском КЗОТе, оставалось достаточно жестким, но плохо соблюдаемым. Не удивительно, что в таком контексте массовые увольнения были редки, а значительная дисперсия зарплат непрерывно подпитывала текучесть кадров и оборот рабочей силы в целом.

Институциональные изменения, имевшие место в 2000-е годы, сами по себе вряд ли могли усиливать ощущение растущих рисков. Трудовой кодекс, вступивший в действие в 2001 г., почти не затронул основные защитные нормы. Появившаяся в нем двусмысленность в регулировании срочных договоров была вскоре ликвидирована Пленумом Верховного Суда (2004 г.), а затем и поправками в Трудовой кодекс (2006 г.). Также в этот период усилилась деятельность в сфере информатора законов: возросла активность судов и Гострудинспекции¹⁸. В этой части институциональные изменения — если судить

¹⁷ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация (2008).

¹⁸ Вишневская, Капелюшников (2007).

с формальной точки зрения — скорее повышали общий уровень защищенности работников и потенциально демпфировали страхи.

Несколько иная картина возникает, если мы анализируем количественные показатели, отражающие функционирование институтов. Реальный охват занятых системой защиты рабочих мест имел тенденцию к сокращению (доля работников крупных и средних предприятий снизилась с двух третей до половины от всех занятых), и информатор законов оставался в целом слабым¹⁹. Это означает, что доля незащищенных работников неуклонно росла. Ежегодное удвоение МРОТа в 2006–2009 гг. вело к ускоренному росту заработной платы в нижней части распределения²⁰, тем самым повышая ценность соответствующих рабочих мест в корпоративном секторе на фоне общей тенденции к сокращению их численности. Аналогично влияли и повышения заработной платы бюджетников, также участвовавшие во второй половине 2000-х годов. В то же время следствием роста и компрессии заработной платы в нижней части распределения могло стать выталкивание части малопродуктивных работников из занятости. Поскольку быстрый рост средней заработной платы сопровождался снижением коэффициента замещения²¹ (отношение среднего пособия по безработице к средней заработной плате), суммарные издержки, связанные с безработицей, постоянно возрастали.

Подытоживая, отметим, что и эффект институциональных изменений не был однозначным и явно выраженным с точки зрения влияния на страх безработицы.

Уровень и динамика страха безработицы

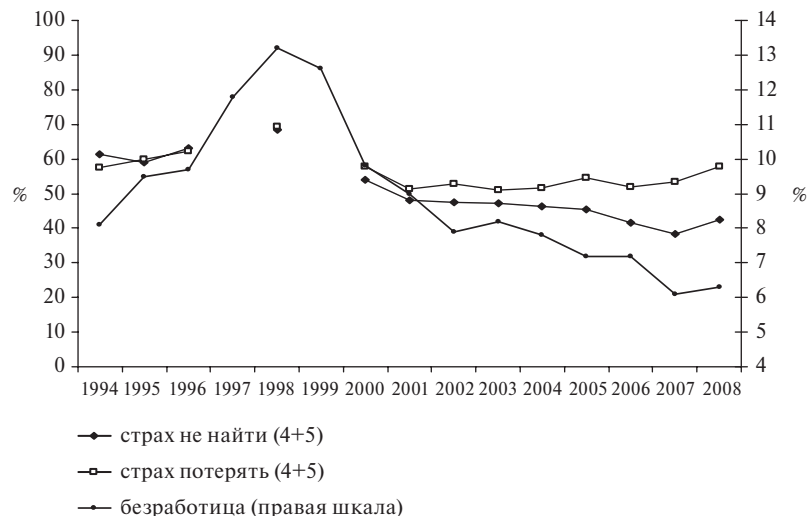
Теперь обратимся собственно к страхам. На рис. 1 представлена динамика двух индикаторов субъективных представлений о защищенности занятости на российском рынке труда за 1994–2008 гг., рассчитанных по данным РМЭЗ. Это уровень обеспокоенности по-

¹⁹ Об информаторе трудового законодательства в России см.: Вишневская, Капелюшников (2007), Вишневская и др., (2008), Gimpelson et al. (2009), Гимпельсон, Капелюшников (2008).

²⁰ Лукьянова (2007).

²¹ Пособие по безработице было значительно повышено лишь с начала 2009 г. как антикризисная мера.

терей работы (доля работников, которые *очень обеспокоены* и *немного обеспокоены* тем, что могут потерять свою работу) и уровень неуверенности в нахождении новой работы (доля работников, которые *совсем не уверены* или *не очень уверены* в том, что в случае увольнения смогут найти работу не хуже имеющейся)²².

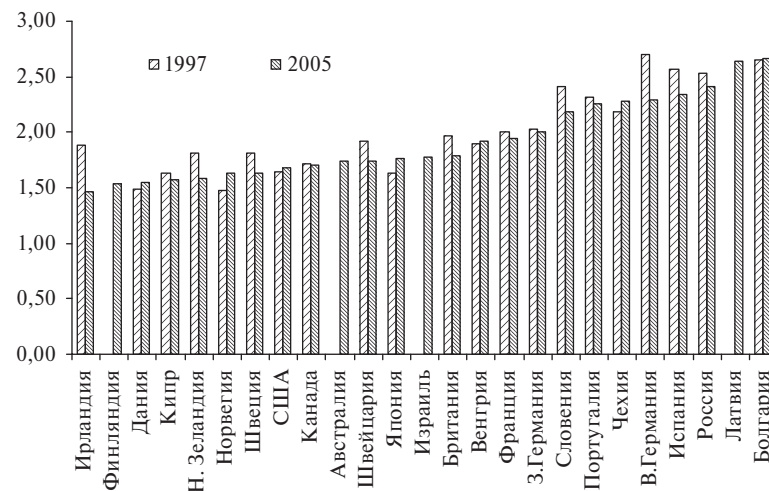
Рис. 1. Динамика субъективных представлений о защищенности рабочих мест и фактического уровня безработицы, 1994–2008 гг., на данных РМЭЗ

Рис. 1 показывает, что на протяжении всего переходного периода — как в 1990-е, так и в 2000-е годы — субъективная оценка защищенности занятости в России находилась на очень низком уровне. Доля тех, кто боялся потерять работу, все эти годы устойчиво держалась выше отметки в 50%. Для сравнения: в США или Великобритании в 1990-е годы доли работников, которые считали очень вероятным или вполне вероятным потерю работы, не превышали 10%²³. Это согласуется с результатами межстрановых сопоставлений, согласно которым уровень страха безработицы у россиян заметно выше, чем в развитых странах при сопо-

²² Более подробно про РМЭЗ и используемые показатели см. в разделе 3.

²³ См. Aaronson and Sullivan (1998), Campbell et al. (2007).

ставимых уровнях безработицы (рис. 2)²⁴. Более того, Россия отличается весьма жестким законодательством о защите рабочих мест, тогда как в США и в Великобритании режим регулирования крайне либеральный²⁵. Наоборот, уровень страха потерять работу в нашей стране оказывается близок к аналогичным показателям для стран Латинской Америки (рис. 3), где законодательство о защите рабочих мест очень жесткое, но распространяется лишь на небольшой формальный сектор, а защита от безработицы (в привычном европейском смысле) практически отсутствует²⁶.

Рис. 2. Индекс страха потери работы в разных странах, 1997 г. и 2005 г. (1 — минимум; 4 — максимум)

Источник: Гимпельсон, Монусова (2009).

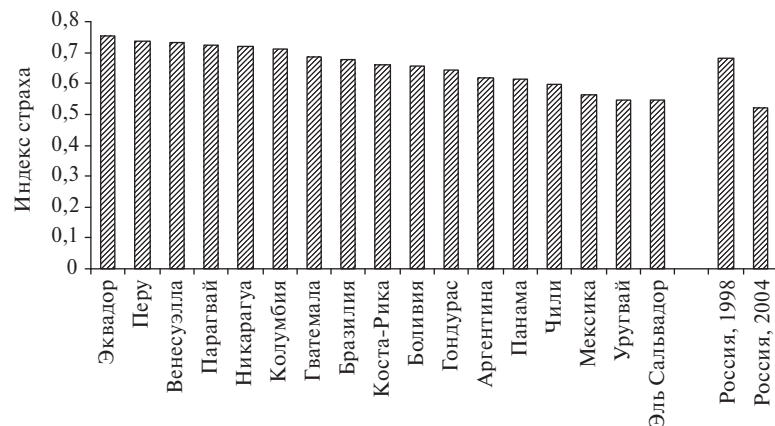
Наблюдаемая нами положительная связь между режимом регулирования и уровнем страха (жестче защита рабочих мест — сильнее страх безработицы) лишь на первый взгляд кажется контринтуитив-

²⁴ Гимпельсон и Монусова (2009).

²⁵ Это согласуется с результатами межстрановых исследований, согласно которым между жесткостью законодательства о защите занятости (333) и субъективными представлениями работников о защищенности наблюдается обратная связь (см., например, Clark and Postel-Vinay (2007), Гимпельсон, Монусова (2009)).

²⁶ Graham (2002).

ной. Если страх изначально задан²⁷ (и относительно автономен по отношению к текущему состоянию экономической среды), то он может формировать спрос на более жесткое регулирование рынка труда (законодательство о защите занятости), который политики постараются удовлетворить. Жесткое регулирование в свою очередь, как известно, подавляет создание новых рабочих мест и усиливает давление на работников в кризисные и предкризисные периоды, что сказывается на психологическом состоянии работников²⁸. Круг замыкается. Рассматриваемая нами ситуация подобна взаимодействию между степенью недоверия в обществе и спросом со стороны общества на государственное регулирование — они также оказываются положительно связанными²⁹.

Рис. 3. Индекс страха безработицы в странах Латинской Америки и России

Примечание. Индекс по странам Латинской Америки взят из Graham (2002). Индекс для России по аналогичной методологии рассчитан авторами.

Другой интересный факт, касающийся субъективных представлений работников о защищенности занятости в России, заключается

²⁷ Например, как следует из современных исследований в области психологии личности, общая тревожность (anxiety) как одна из пяти базовых психологических черт личности (Big Five) является достаточно стабильной в течение жизни человека. Она отчасти формируется в раннем детстве, а частично может даже генетически наследоваться (см. Lex Borghans et al. 2008).

²⁸ Wasmer (2006).

²⁹ Aghion et al. (2009).

ся в том, что такие представления очень инерционны и слабо чувствительны к фактической ситуации на рынке труда. На рис. 1 показана динамика уровня безработицы (измеренного по стандартной методологии МОТ). Можно отметить, что индикаторы субъективной обеспокоенности потерей работы достаточно слабо реагировали в 1994–1998 гг. и в 1999–2001 гг. на изменения в фактической безработице. С 2001 г. они застыли на одном уровне. Несмотря на снижение уровня безработицы в период 1998–2007 гг. с 13–14% более чем вдвое, доля боящихся потерять работу сократилась с 69% лишь до 53%, где и стабилизировалась. Доля тех, кто боялся не найти новую работу, сократилась в рассматриваемый период в большей степени, но и она устойчиво держалась на уровне выше 40% (за исключением 2007 г.). Именно этот период, когда показатели страха безработицы находились на стабильно высоком уровне на фоне сильного экономического роста и сокращения фактической безработицы, не был рассмотрен в предыдущих исследованиях. Отметим также, что небольшой, но заметный подъем обоих индикаторов произошел в конце 2008 г. на фоне наметившегося роста фактической безработицы и усиления угрозы массовых сокращений, связанных с кризисом.

Можно ли интерпретировать расхождение между двумя рассматриваемыми индикаторами страха? Если страх потерять работу косвенно отражает взаимодействие личной конкурентоспособности и защищенности рабочего места (факторы потенциального оттока с занимаемых рабочих мест), то страх не найти работу характеризует взаимодействие параметров личной конкурентоспособности и ситуации на рынке труда (факторы потенциальной доступности новых рабочих мест). Нет ничего удивительного, что в условиях достаточно жесткого законодательства о защите рабочих мест, они могут заметно расходиться. Как известно из многочисленных исследований влияния институтов на функционирование рынка труда, жесткое трудовое законодательство снижает риск ликвидации рабочих мест, но одновременно подавляет создание новых (например, Bertola 1990).

Общий уровень обеспокоенности возможной потерей работы оставался стабильным во многом за счет сильной инерционности индивидуальных представлений. В табл. 1 и 2 представлены показатели мобильности работников по уровням обеспокоенности возможной потерей работы/неуверенности в нахождении работы. Примерно 40% работников не меняли степень своей обеспокоенности возможной по-

терей работы даже в периоды очень резких изменений в общеэкономической ситуации и состоянии рынка труда (1996–1998 и 1998–2000 гг.). Если отдельно рассмотреть группу работников, обеспокоенных потерей работы, то оказывается, что в этой группе наблюдалась еще бóльшая степень устойчивости представлений: около 70% из тех работников, кто опасался потерять работу, сохраняли свою обеспокоенность и на следующий год. Подчеркнем, что при этом более половины работников, *очень обеспокоенных* возможной потерей работы, оставались в данной группе на следующий год даже в период устойчивого экономического роста и сокращения безработицы. Всё это также свидетельствует о том, что субъективные представления об угрозе безработицы весьма инерционны и слабо реагируют на внешние объективные обстоятельства. Согласно табл. 2, стабильность индивидуальных субъективных представлений о перспективах нахождения новой работы в случае увольнения была еще выше.

Таблица 1. Мобильность обеспокоенности потерять работу, 1994–2008 гг., по данным РМЭЗ (в % от всех опрошенных)

	1994/1995	1995/1996	1996/1998	1998/2000	2000/2001	2001/2002	2002/2003	2003/2004	2004/2005	2005/2006	2006/2007	2007/2008
Степень обеспокоенности не поменялась	41.1	41.0	43.1	40.4	40.3	40.5	40.6	40.0	40.5	39.5	39.1	41.0
Рост обеспокоенности	30.0	31.2	34.6	19.9	25.5	29.6	29.4	29.5	31.3	27.4	29.8	33.5
Рост обеспокоенности >1*	16.9	16.1	17.6	8.6	11.9	15.6	14.0	15.3	14.5	12.7	13.5	16.2
Сокращение обеспокоенности	28.9	27.8	22.3	39.8	34.2	29.9	30.0	30.5	28.2	33.1	31.1	25.8
Сокращение обеспокоенности >1*	14.7	13.8	10.7	20.9	17.5	14.4	14.7	14.9	12.5	15.4	13.9	10.8
Стабильность 4–5 групп	72.4	74.8	80.1	68.2	66.5	69.8	68.1	67.9	71.5	67.2	69.9	76.1
Стабильность 5-й группы	58.7	61.1	69.8	49.9	52.7	53.1	54.8	54.1	54.6	49.4	51.5	55.2

* Изменение индекса более, чем на 1 пункт.

Таблица 2. Мобильность неуверенности найти работу не хуже имеющейся, 1994–2008 гг., по данным РМЭЗ (в % от всех опрошенных)

	1994/1995	1995/1996	1996/1998	1998/2000	2000/2001	2001/2002	2002/2003	2003/2004	2004/2005	2005/2006	2006/2007	2007/2008
Степень неуверенности не поменялась	40.6	43.0	42.9	40.0	41.0	42.9	42.4	41.7	41.2	41.0	42.4	41.6
Рост неуверенности	28.5	31.7	34.5	19.6	25.7	29.4	28.6	30.4	29.7	27.1	26.3	33.2
Рост неуверенности >1*	12.1	13.5	14.9	7.3	10.9	11.7	11.1	11.9	11.1	10.0	9.2	13.9
Сокращение неуверенности	30.8	25.3	22.6	40.4	33.3	27.7	29.0	27.9	29.2	31.9	31.3	25.1
Сокращение неуверенности >1*	13.8	10.2	8.9	19.1	14.9	11.0	10.9	11.0	11.3	11.8	12.1	8.4
Стабильность 4–5 групп	74.3	80.1	81.8	67.7	69.8	73.1	71.8	71.7	70.8	68.5	66.2	71.3
Стабильность 5-й группы	56.4	60.2	67.7	48.8	51.7	57.9	54.5	54.7	53.8	50.1	51.1	54.4

* Изменение индекса более, чем на 1 пункт.

Надо отметить, что наблюдаемое расхождение в объективных (уровень безработицы) и субъективных (уровень страха безработицы) характеристиках не является общей закономерностью, типичной для всех стран. Если в одних странах объективные и субъективные показатели сильно коррелируют между собой (т.е. движутся параллельно)³⁰, то в других они могут двигаться относительно независимо друг от друга или демонстрировать слабую связь (см. Гимпельсон, Монусова (2009)).

Вышесказанное позволяет сформулировать нашу **общую гипотезу**, касающуюся факторов страха: *страх безработицы в России слабо зависит от текущего состояния рынка труда*. Дальнейшее изложение посвящено тестированию этой гипотезы и обсуждению возможных следствий из нее.

³⁰ Например, представления людей о рисках безработицы в США в 1977–1996 гг. менялись во времени, достаточно точно отражая динамику показателя безработицы, см. Schmidt (1999).

3. Методология и данные

Наше исследование базируется на данных Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ). Это единственное в России панельное обследование домохозяйств, в рамках которого задается широкий круг вопросов о трудовой деятельности, включая вопросы о страхе безработицы. Мы используем объединенный массив РМЭЗ, включающий все волны обследования с 1994 по 2008 г.

В рамках эмпирического анализа факторов страха безработицы мы оцениваем модель следующего вида:

$$Fear_{it} = \beta_0 + \beta_1 U_{it} + \beta_2 D_{it} + \beta_3 IC_{it} + \beta_4 JC_{it} + \tau_t + \varepsilon_{it} \quad (1)$$

Зависимой переменной является показатель индивидуального уровня страха (*Fear*), который измеряется двумя способами (см. ниже). Нас интересует его связь с фактической безработицей (*U*), а также с наличием личного опыта безработицы (*D_u*). При этом мы контролируем индивидуальные характеристики работника (*IC*) и характеристики рабочего места (*JC*). Переменная τ представляет собой фиксированный временной эффект; он отражает влияние факторов, действующих одновременно на всех (но, возможно, с разной силой) работников³¹.

Уровень страха в РМЭЗ измеряется с помощью двух вопросов.

Первый вопрос имеет следующий вид: «*Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?*» (FEAR_1).

Второй звучит так: «*Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?*» (FEAR_2).

Если первый вопрос характеризует то, как респонденты оценивают вероятность потери ими работы, то второй — их шансы на трудоустройство и связанные с этим потенциальные финансовые и эмоциональные издержки потери. В этом смысле они взаимосвязаны и

³¹ Например, это могут быть привязанные к определенному моменту времени законодательные поправки, внесенные в режим регулирования и меняющие общий институциональный контекст, или повышенная тревожность по этому поводу, распространяемая СМИ.

комплементарны. Каждый из них предполагает пять упорядоченных вариантов ответов, где большее значение (равное 5) соответствует наибольшему уровню страха, а меньшее (равное 1) — наименьшему³². Таким образом, модель (1) представляет собой модель упорядоченного выбора. Мы оцениваем ее для каждого вопроса по отдельности, поскольку оттенки вопросов различаются. Как было показано выше, если в 1990-е годы индексы этих страхов вели себя практически идентично, то в последние годы они начали расходиться, что особенно заметно при дифференцированном анализе по отдельным группам работников (особенно для старших возрастов).

Оба вопроса задаются во всех волнах обследования РМЭЗ и ранее уже использовались для анализа субъективных представлений о защищенности занятости в России в работах Гимпельсона, Капелюшниковой, Ратниковой (2003) и Linz and Semykina (2008)³³. Формулировки вопросов близки к стандартным для такого рода исследований, проводившихся за рубежом. Небольшое отличие состоит в том, что в опросах в других странах они часто привязаны к определенному периоду времени. Например, аналогом первого вопроса является следующий: «Как Вы думаете, насколько вероятно, что Вы потеряете свою работу в течение ближайших 12 месяцев» (см., например, Dominitz and Manski (1996), Fullerton and Wallace (2007), Schmidt (1999), Manski and Straub (1999), Clark and Postel-Vinay (2009)).

В качестве переменных, характеризующих риски безработицы (*U*), мы альтернативно используем несколько разных показателей.

Самым очевидным и простым решением является использование стандартных показателей уровня безработицы, рассчитываемых для каждого региона на основе данных ОНПЗ по методологии МОТ. Так как обследование РМЭЗ проводится (главным образом) в IV квартале, то наиболее подходящими были бы данные по региональной безработице за IV квартал каждого года. Поскольку ОНПЗ проводятся ежеквартально только с 1999 г., мы используем годовые, а не квартальные показатели. Расчеты показывают, что ранжирование регио-

³² Изначально шкала второго вопроса была построена обратным образом. Для сопоставимости мы перевернули ее так, чтобы большее значение соответствовало большему уровню страха.

³³ В работе Гимпельсон, Капелюшниковой и Ратникова (2003) использовался агрегированный индекс, представлявший собой сумму ответов на оба вопроса. Linz and Semykina (2008) анализировали данные вопросы отдельно.

нов по уровню безработицы по состоянию на IV квартал и в целом за год совпадает.

Однако такие региональные показатели безработицы имеют ряд очевидных недостатков. Прежде всего, они чрезмерно агрегированы, а потому плохо отражают реальные риски на рынке труда для представителей разных социально-демографических групп, проживающих в регионах. Естественно предположить, что соответствующие страхи у респондентов могут формироваться не столько под воздействием агрегированных региональных уровней безработицы, сколько под воздействием того, как эти респонденты видят соответствующие риски для людей со схожими основными характеристиками. Другими словами, мужчина 40 лет с высшим образованием в Воронеже (например) скорее будет ориентироваться на то, как складывается ситуация на рынке труда для проживающих в этом городе мужчин в том же возрасте и с тем же образованием, чем на максимально агрегированный уровень безработицы в Воронежской области.

В качестве альтернативы мы рассчитываем так называемые специфические групповые показатели безработицы и незанятости. Для их расчета мы по данным ОНПЗ выделили группы на пересечении переменных регион*пол*образование*город/село³⁴. Всего у нас получилось 496 специфических групп, для каждой из которых мы рассчитали показатели безработицы (как % безработных в численности экономически активного населения в группе) и незанятости (как % незанятых в численности всего населения данной группы)³⁵. Именно такие специфически групповые показатели безработицы мы используем в наших базовых спецификациях. Естественно, у них вариация заметно больше, чем у уровня региональной безработицы.

Для измерения прошлого опыта безработицы мы альтернативно используем две индикативные переменные. Первая переменная принимает значение 1, если индивид хотя бы один раз находился в состоянии безработицы, и 0, если не находился ни разу. Вторая пере-

³⁴ Мы отказались от дополнительного дробления по возрастным группам из-за значительного увеличения ошибки.

³⁵ Smyth and Taylor (1992) исследовали вопрос о том, какая безработица влияет на популярность президентов. Авторы пришли к выводу, что люди обращают внимание как на (специфическую) безработицу в группах, к которым они принадлежат, так и на безработицу на общенациональном уровне.

менная принимает значение 1, если индивид был безработным на момент обследования в прошлом году, и 0 – в противном случае³⁶.

В качестве индивидуальных характеристик респондентов (*IC*) мы рассматриваем пол, возраст и квадрат возраста, уровень образования, семейное положение, наличие пенсии, профессию, специальный стаж и квадрат стажа, наличие второй работы. В состав характеристик рабочего места (*JC*) входят размер предприятия, наличие подчиненных, наличие долгов по заработной плате, тип населенного пункта. Кроме того, мы контролируем федеральный округ, в котором проживает респондент.

Если характеристики респондентов отражают их индивидуальные позиции на рынке труда, то характеристики рабочих мест отражают вариацию в рисках занятости, связанных с качеством этих рабочих мест. Например, можно предположить, что страх потери работы в среднем будет ниже у работников, занятых в государственном секторе, чем у работников из частного сектора; у занятых на крупных предприятиях, чем на малых; у занятых в формальном секторе, чем у занятых в неформальном секторе³⁷.

Степень страха потерять работу может зависеть не только от вероятности потери работы, но и от тех издержек, которые в этом случае понесет индивид. Это означает, что кроме низкой конкурентоспособности индивида на рынке труда или неустойчивости занятости на данном рабочем месте на страх потери работы могут оказывать влияние наличие альтернативных источников дохода (например, наличие второй работы или трудовой пенсии), доля индивида в совокупном доходе семьи, размер семьи и/или наличие детей и т.п.

³⁶ Надо отметить, что данные РМЭЗ не позволяют полностью восстановить трудовую историю работников, так как не учитывают периоды между моментами обследований. Тем самым прошлый опыт безработицы может недооцениваться.

³⁷ При оценивании влияния индивидуальных характеристик и характеристик рабочего места на страх безработицы может возникать проблема эндогенности. Для её появления есть две возможные причины. В одном случае она может возникать из-за того, что существуют некоторые ненаблюдаемые индивидуальные характеристики, влияющих как на наблюдаемые характеристики, включаемые в уравнение (1), так и на страх безработицы. В другом случае эндогенность появляется из-за того, что индивиды с более высоким уровнем тревожности по поводу возможной потери работы могут стремиться на более защищенные рабочие места. В работе мы полагаем, что ни в том, ни в другом случае эта проблема не влияет на оценки интересующих нас коэффициентов при фактической безработице.

Описательная статистика по всем используемым регрессорам представлена в табл. 3. Выборка в каждый год ограничивается занятыми индивидами в возрасте от 15 до 72 лет. Между двумя рассматриваемыми подпериодами (1994–1998 и 2000–2008 гг.) есть заметные различия. Во втором подпериоде еще больше сократилась доля занятых в государственном секторе экономики, начал снижаться уровень безработицы и сократилось количество случаев личной безработицы (прирост доли людей, хотя бы один раз бывшими безработными, связан с тем, что второй рассматриваемый период более длительный, чем первый), быстро пошла на спад распространенность задолженностей по заработной плате.

Таблица 3. Deskриптивная статистика по используемым переменным

Переменная	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	среднее	мин.	макс.	среднее	мин.	макс.
Жен. (1 – да; 0 – нет)	0,49	0	1	0,51	0	1
Возраст (лет)	39,16	15	72	38,87	15	72
Пенсия (1 – да; 0 – нет)	0,12	0	1	0,13	0	1
Уровень образования (от 1 до 4)	3,00	1	4	3,09	1	4
Спец.стаж (лет)	7,94	0	56	7,10	0	58
Брак (1 – да; 0 – нет)	0,75	0	1	0,71	0	1
Размер предприятия (от 1 до 5)	2,51	1	5	3,00	1	5
Гос.собственность (1 – да; 0 – нет)	0,67	0	1	0,48	0	1
Наличие подчиненных (1 – да; 0 – нет)	0,23	0	1	0,22	0	1
Вторая работа (1 – да; 0 – нет)	0,05	0	1	0,05	0	1
Занятие (от 0 до 9)	5,37	0	9	5,16	0	9
Наличие задолженности по ЗП (1 – да; 0 – нет)	0,51	0	1	0,15	0	1
Село (1 – да, 0 – нет)	0,28	0	1	0,29	0	1
Москва или С. – Петербург (1 – да; 0 – нет)	0,10	0	1	0,13	0	1
Федеральный округ (от 1 до 7)	3,38	1	7	3,31	1	7
Есть опыт безработицы (1 – да, 0 – нет)	0,045	0	1	0,132	0	1
Безработный в предыдущем году (1 – да, 0 – нет)	0,032	0	1	0,027	0	1
Региональная безработица (%)	10,10	4,8	23,9	7,56	0,8	25,7
Специфическая безработица (%)	11,94	0,88	54,12	10,76	0,11	60,02
Специфическая незанятость (%)	49,5	2,27	92,84	55,07	1,55	93,89

4. Deskриптивный анализ показателей страха

В этом разделе мы анализируем динамику и вариацию обоих показателей страха (FEAR_1 и FEAR_2). В табл. 4 приведены доли боящихся потерять работу и доли боящихся не найти работу, не хуже имеющейся, в разрезе основных групп работников. Рассмотрим основные распределения.

Таблица 4. Доля обеспокоенных потерять работу и не найти работу, не хуже имеющейся (доля респондентов с уровнем страха 4 и 5), по подгруппам работников, РМЭЗ, 1994–1998 и 2000–2008 гг.

		Страх потерять		Страх не найти	
		1994–1998	2000–2008	1994–1998	2000–2008
Возраст	15–29	51,33	43,1	51,4	31,01
	30–45	62,09	50,58	63,15	42,14
	46–59	63,29	55,23	70,95	59,06
	60–72	50	45,42	73,66	65,82
Пол	жен.	63,79	51,41	70,93	49,91
	муж.	54,34	47,39	54,09	39,16
Образование	ниже среднего	62,82	50,82	71,09	50,24
	среднее	60,97	50,54	64,86	46,1
	профессиональное	61,4	49,62z	63,31	41,87
	третичное	56,28	48,9	59,52	45,16
Состояние в браке	да	59,47	49,97	62,97	45,56
	нет	58,18	48,37	62,01	43,2
Гос. собственность	да	59,38	49,66	64,6	48,94
	нет	57,05	48,62	58,11	41,21
Размер предприятия	< 50 чел.	58,88	48,17	62,78	43,85
	51–100	56,93	46,65	61,27	42,64
	101–200	60,76	48,31	64,44	45,37
	201–1000	57,72	51,84	64,08	48,44
	> 1000	59,31	49,69	63,55	44,41
Неформальная занятость	да	50,62	39,31	54,12	27,14
	нет	65,98	49,89	68,48	45,63

Окончание табл. 4

		Страх потерять		Страх не найти	
		1994–1998	2000–2008	1994–1998	2000–2008
Наличие подчиненных	да	54,46	47,02	56,19	41,87
	нет	60,56	50,23	64,75	45,78
Наличие второй работы	да	43,89	37,89	41,64	30,25
	нет	59,89	50,12	63,78	45,68
Наличие задолженности по заработной плате	да	62,54	50,84	67,68	51,83
	нет	55,4	48,81	57,68	43,7
Пенсия	да	56,18	49,66	73,8	61,53
	нет	59,58	49,52	61,27	42,44
Сельская местность	да	64,67	56,74	73,34	59,22
	нет	57,07	46,86	58,7	39,71
Москва или С.Петербург	да	47,52	39,46	47,3	35,37
	нет	60,42	51,04	64,44	46,43
Опыт безработицы	да	66,99	53,62	65,30	45,47
	нет	63,63	52,92	63,25	42,67
Безработный в прошлом году	да	69,10	52,65	64,14	41,48
	нет	63,62	53,56	63,31	45,22
Региональная безработица	u<p25	56,08	44,28	58,44	38,83
	p25<u<p50	55,92	49,27	60,51	43,03
	p50<u<p75	59,1	52,56	63,75	50,35
	p75<u	66,01	52,64	68,86	48,37
Специфическая безработица	su<p25	64,42	49,15	68,12	41,58
	p25<su<p50	60,71	52,91	62,28	44,63
	p50<su<p75	59,47	54,98	60,49	45,96
	su>p75	63,95	54,93	61,17	46,92
Специфическая незанятость	sne<p25	61,7	52,41	63	44,91
	p25<sne<p50	64,55	55,18	64,05	46,32
	p50<sne<p75	59,75	53,04	58,15	42,96
	sne>p75	62,81	53,64	65,93	46,64

Индивидуальные характеристики. Страх безработицы сильно варьирует в зависимости от пола и возраста. Зависимость FEAR_1 от возраста имеет форму перевернутой буквы U. Доля охваченных таким страхом достигала максимума (63% в первом подпериоде и 55% – во втором) в возрастной группе 46–59 лет и затем (уже в пенсионном возрасте) снижалась на 13 и 10 п.п., соответственно. Риски безработицы кажутся максимальными для работников предпенсионных возрастов, а с появлением альтернативного дохода в виде пенсии они начинают снова снижаться. Уменьшение этого показателя в группе 30–45 лет между подпериодами составило около 12 п.п. и по величине было значительнее, чем для других возрастов.

Страх не найти работу (FEAR_2), наоборот, с возрастом меняется монотонно, достигая своего максимума в группе пенсионного возраста, что также легко объяснимо. При этом снижение уровня страха во времени от первого подпериода ко второму было максимальным в младших возрастах (снижение на 20 п.п.), а минимальным – в старших (8 п.п.).

Женщины больше боятся потерять работу, чем мужчины, но снижение показателя между подпериодами также шло быстрее у женщин (13 п.п. у женщин против 7 п.п. у мужчин). То же самое относится и к страху не найти работу, однако абсолютный масштаб сокращения распространенности страха во втором периоде больше, чем для страха потери (21 п.п. у женщин и 15 п.п. у мужчин).

С ростом уровня образования страхи ослабевают, но межгрупповые различия становятся менее выраженными. В 1990-е годы уровень образования выше техникума давал значимое преимущество работникам, которое практически исчезло в 2000-е годы. Респонденты, имеющие семьи, боятся безработицы несколько сильнее, но различия статистически малозначимы.

Жители села сильнее подвержены страхам, а жители Москвы и Санкт-Петербурга – значительно меньше. За этим могут скрываться как различия в возможностях трудоустройства, так и социально-демографические различия.

Наличие второй работы, косвенно отражая конкурентоспособность работника на рынке труда (наличие альтернативных или дополнительных профессиональных навыков), ожидаемо снижает градус озабоченности. Альтернативный доход позволяет в случае потери работы легче переносить временную незанятость и снижает из-

держки поиска новой работы³⁸. Наоборот, долги по заработной плате, если они есть, означают и слабость работника, и уязвимость занимаемого им рабочего места.

Характеристики рабочих мест. Можно было бы предположить, что наличие более защищенного рабочего места снижает градус обеспокоенности по поводу его возможной потери. К таким рабочим местам можно отнести работу в государственном секторе, на крупном предприятии и с оформлением трудового договора по всем правилам. Однако данные показывают, что эта связь не столь очевидна.

Занятые в государственном секторе сильнее боятся потерять работу, чем занятые в частном. Различия между этими секторами по FEAR_2 еще более выражены. Казалось бы, государство-работодатель должно относительно лучше защищать работников, и последние эту заботу должны ощущать. Но еще удивительнее то, что работники, занятые без оформления трудовой книжки, т.е. работающие неформально, заметно слабее подвержены страху потерять работу. В этой группе в 2000-е годы значения обоих показателей страха были наименьшими среди всех групп, представленных в таблице. Вариация в распространенности страхов в зависимости от размера предприятия достаточно слабая: работники крупных предприятий подвержены им не в меньшей степени, чем работники мелких и средних.

Наличие подчиненных ассоциируется с большей уверенностью в собственных силах. С одной стороны, этот фактор отражает положение во властной иерархии; с другой, здесь возможен эффект неслучайного отбора, так как на такие позиции могут продвигаться более энергичные и конкурентоспособные индивиды.

Из этих результатов следует, что неслучайный сортинг работников по рабочим местам, при котором менее конкурентоспособные или менее склонные к риску работники стремятся занять более защищенные рабочие места, действительно может иметь место на российском рынке труда³⁹. В силу явных или неявных предпочтений индивиды с определенным набором наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик тяготеют к определенным типам рабочих мест. Ради удовлетво-

³⁸ В этом смысле его эффект аналогичен эффекту пособия по безработице, которое также амортизирует издержки потери работы.

³⁹ О сортинге работников на рынке труда см., например, Krueger and Schkade (2008).

рения своих предпочтений работники могут соглашаться на более низкую заработную плату, тем самым подтверждая теорию компенсирующих различий. В нашем случае страх потери работы может транслироваться в стремление к минимизации риска на рынке труда и, соответственно, формировать ориентацию на более защищенные рабочие места (государственный сектор, крупные предприятия и наличие формального контракта). Отметим, что такая сортировка снижает агрегированный уровень страха относительно того уровня, который мог бы быть в случае, если бы она отсутствовала (т.е. если бы работники распределялись по защищенным и незащищенным рабочим местам случайным образом). Как показывают наши предыдущие исследования, в России занятость в государственном секторе и на более защищенных рабочих местах ассоциируется с более низкой заработной платой⁴⁰.

Характеристики рынка труда. Поскольку показатели безработицы представляют собой непрерывные (а не дискретные) величины, их значения разбиты на четыре интервала, соответствующие четырем квартилям распределения. Значения процентилей (p25, p50, p75) даны в табл. 5. Как мы видим, они соответствуют весьма контрастным состояниям рынка труда, которые можно условно назвать низкой, средней и высокой безработицей. Хотя с ростом безработицы и незанятости соответствующие страхи усиливаются, это усиление непропорционально увеличению безработицы. Например, переход от низких значений специфической безработицы к высоким в первом подпериоде сопровождался снижением страхов (возможно, что в результате самообучения), а во втором — их ростом примерно на 5 п.п. Что же касается специфической незанятости, то и здесь связи оказываются слабо выраженными.

Таблица 5. Процентили распределения показателей безработицы и незанятости*

Региональная безработица	1994–1998 гг.	2000–2008 гг.
p25	7,9	5,3
p50	9,6	7,9
p75	11,5	9,8

⁴⁰ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация (2007); Гимпельсон, Капелюшников, Лукьянова, Рыжикова, Куляева (2010).

Региональная безработица	1994–1998 гг.	2000–2008 гг.
Специфическая безработица	1994–1998 гг.	2000–2008 гг.
p25	6,6	4,3
p50	9,9	7,9
p75	14,1	13,2
Специфическая незанятость	1994–1998 гг.	2000–2008 гг.
p25	24,9	26,9
p50	36,2	42,3
p75	68,4	75,7

*p25, p50, p75 – значения для 25%, 50%, 75% перцентилей распределения.

5. Факторы страха: эконометрический анализ

Выше мы дали общее представление о вариации показателей страха по отдельным группам работников. В данном разделе мы делаем следующий шаг: представляем результаты эконометрического анализа, который позволяет определить значимость отдельных факторов при условии контроля прочих влияний. Мы оцениваем уравнение (1) отдельно для FEAR_1 и FEAR_2 и делаем это как для подпериода экономического спада (1994–1998 гг.), так и для подпериода роста (2000–2008 гг.). Кроме того, для каждой зависимой переменной мы используем три спецификации, различающиеся между собой способом описания состояния локального рынка труда: уровень региональной безработицы, уровень специфически-групповой безработицы и уровень специфически-групповой незанятости. Поскольку наши наблюдения концентрируются в определенных регионах, мы оцениваем стандартные оценки как робастные с учетом пространственной кластеризации.

Страх потерять работу

В табл. 6 представлены результаты оценивания уравнения (1) с зависимой переменной FEAR_1 на двух временных отрезках без учета панельной структуры данных⁴¹. Для первого подпериода характерен

⁴¹ Методологически это соответствует тому, что делалось в предшествующей работе на РМЭЗ Linz and Semykina (2008). На данном этапе отличие состоит в том, что наши спецификации включают ряд дополнительных переменных и охватывают

сильный гендерный разрыв: женщины боятся безработицы намного сильнее, чем мужчины. Во втором периоде он несколько сокращается, но остается статистически значимым. Обратная U-образная зависимость от возраста, выявленная ранее при дескриптивном анализе, подтверждается для обоих подпериодов. Если в 1994–1998 гг. наличие третичного образования ослабляло страх потерять работу, то в 2000-е годы, на фоне резкого роста предложения высокообразованного труда, это влияние перестало быть значимым. Наличие пенсии как альтернативного дохода ожидаемо ослабляет страх потерять работу. Также действует и состояние в браке, предоставляя моральную и материальную поддержку. Положительная связь страха со специфическим стажем работы (это отмечают и Linz and Semykina (2008)) плохо согласуется с тем, что наблюдается в других странах, но согласуется с выводами других исследований по России. Это можно объяснить тем, что длительное отсутствие инвестиций в специфический человеческий капитал (что характерно для России) и ограниченность альтернативных возможностей подрывают позиции работника на данном рабочем месте. Этот эффект во втором подпериоде усилился.

В 1994–1998 гг. факт занятости на предприятиях, полностью или частично принадлежащих государству, не был связан со страхом потери работы, но в 2000-е годы ожидаемая обратная зависимость проявилась. С одной стороны, сократился удельный вес государственного сектора, с другой – в нем усилился инфорсмент трудового законодательства. Надо также отметить, что даже если для переменной занятости в государственном секторе проблема эндогенности (в виде самоотбора) существует, то её нейтрализация не изменит, а только усилит отрицательную связь. Действительно, в отсутствие такого самоотбора уровень страха мог бы быть выше.

В оба подпериода страх потерять работу оказывается сильнее у работников крупных предприятий, чем у работников мелких и средних. Этот результат не меняется при исключении из уравнения индикатора формы собственности. Скорее можно было бы ожидать обратное: страх будет слабее на крупных предприятиях, на которых инфорсмент трудового законодательства, защищающего работников, полнее. По-видимому, крупные предприятия, традиционно отлича-

более длительный отрезок времени. Наши оценки для спецификаций, аналогичных тем, что использовались этими авторами для 1994–1998 гг. и 2000–2004 гг., оказываются практически идентичными.

Таблица 6. Факторы, влияющие на страх потерять работу, РМЭЗ, 1994–2008 гг., *oprobit*

Зависимая переменная: страх потерять работу (1 – мин., 5 – макс.)	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
Женщина	-0,291*** (0,032)	-0,295*** (0,033)	-0,320*** (0,070)	-0,165*** (0,025)	-0,164*** (0,026)	-0,100*** (0,031)
Возраст (лет)	0,072*** (0,009)	0,069*** (0,009)	0,072*** (0,009)	0,048*** (0,006)	0,047*** (0,006)	0,048*** (0,006)
Возраст в квадрате	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)	-0,001*** (0,000)
Пенсия	-0,107** (0,053)	-0,098* (0,054)	-0,108** (0,053)	-0,091*** (0,033)	-0,094*** (0,034)	-0,087*** (0,034)
Образование: среднее (баз. группа: ниже среднего)	-0,101** (0,048)	-0,064 (0,048)	-0,100** (0,048)	-0,037 (0,031)	-0,038 (0,032)	-0,036 (0,031)
Профессиональное	0,007 (0,041)	0,057 (0,045)	0,033 (0,061)	-0,031 (0,030)	-0,042 (0,032)	-0,166*** (0,047)
Третичное	-0,116** (0,046)	-0,063 (0,052)	-0,023 (0,197)	-0,038 (0,036)	-0,069 (0,044)	-0,364*** (0,111)
Спец. стаж	0,006** (0,003)	0,005* (0,003)	0,006** (0,003)	0,009*** (0,003)	0,010*** (0,003)	0,010*** (0,003)
Спец. стаж в квадрате	-0,000* (0,000)	-0,000 (0,000)	-0,000* (0,000)	-0,000** (0,000)	-0,000** (0,000)	-0,000** (0,000)
Брак	-0,051 (0,044)	-0,051 (0,045)	-0,051 (0,044)	-0,033* (0,018)	-0,027 (0,019)	-0,032* (0,018)
Размер предприятия: менее 50 чел. (баз. группа: более 1000 чел.)	-0,070 (0,043)	-0,068 (0,042)	-0,071* (0,042)	-0,090*** (0,024)	-0,081*** (0,024)	-0,090*** (0,023)
51–100 чел.	-0,114** (0,047)	-0,123*** (0,047)	-0,115** (0,046)	-0,112*** (0,029)	-0,105*** (0,028)	-0,112*** (0,029)
101–200 чел.	-0,021 (0,056)	-0,039 (0,057)	-0,019 (0,055)	-0,086*** (0,028)	-0,085*** (0,029)	-0,089*** (0,028)

Зависимая переменная: страх потерять работу (1 – мин., 5 – макс.)	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
201–1000 чел.	-0,046 (0,039)	-0,052 (0,038)	-0,045 (0,039)	-0,015 (0,028)	-0,011 (0,028)	-0,018 (0,029)
Гос. собственность	0,013 (0,033)	0,020 (0,034)	0,012 (0,033)	-0,063** (0,028)	-0,060** (0,028)	-0,062** (0,028)
Наличие подчиненных	-0,079*** (0,028)	-0,070*** (0,026)	-0,078*** (0,028)	-0,058*** (0,016)	-0,061*** (0,017)	-0,060*** (0,017)
Наличие второй работы	-0,363*** (0,050)	-0,368*** (0,051)	-0,363*** (0,050)	-0,218*** (0,033)	-0,224*** (0,032)	-0,219*** (0,033)
Сельская местность	0,140* (0,072)	0,125 (0,081)	0,121 (0,083)	0,237*** (0,055)	0,231*** (0,056)	0,259*** (0,057)
Москва или С.-Петербург	-0,156 (0,096)	-0,149 (0,092)	-0,129 (0,083)	-0,172 (0,111)	-0,224** (0,098)	-0,267*** (0,093)
Задолженность по ЗП	-0,070** (0,032)	-0,071** (0,031)	-0,066** (0,031)	0,021 (0,029)	0,022 (0,031)	0,016 (0,030)
Региональная безработица (%)	-0,015 (0,022)			0,018 (0,012)		
Специфическая безработица (%)		-0,004 (0,005)			0,003 (0,002)	
Специфическая незанятость (%)			-0,002 (0,004)			0,006*** (0,002)
Количество наблюдений	11 451	11 075	11 451	43 132	41 483	43 132

Примечание: 1) В скобках приведены стандартные ошибки, робастные к гетероскедастичности, автокорреляции и кластеризации; 2) *** – значимость на 1%-м уровне; ** – значимость на 5%-м уровне; * – значимость на 10%-м уровне; 3) В уравнении контролируются занятия, федеральные округа и годы; 4) Оценки констант и уровневых значений (Cut point estimates) доступны по требованию.

шиеся избытком рабочей силы, быстрее сокращали численность занятых, оказывая тем самым определенное психологическое давление на работников. Здесь также может проявляться неслучайный сортинг — самоотбор малоконкурентных работников с сильным страхом потери работы (и предпочтениями гарантий занятости) на более крупные предприятия.

Интересно также отметить, что работники, оформленные на работу по всем правилам трудового законодательства, сильнее боятся, чем занятые без такого оформления. Соответствующие расчеты не представлены в табл. 6, так как данная переменная (наличие письменного трудового договора) имеется не для всех лет наблюдения. Этот результат устойчив на всех доступных кросс-секциях (1998, 2000 и 2002–2008 гг.), а также сохраняется при добавлении соответствующей переменной в полную спецификацию для периода 2002–2008 гг. На наш взгляд, это еще более сильное, чем описанное выше, свидетельство самоотбора работников.

Как можно было ожидать, страх потерять работу выражен сильнее у занятых в сельской местности, чем в городской, а в столицах он слабее, чем в других регионах. Это объясняется более широкими возможностями трудоустройства в городах, особенно крупнейших. Имеющие в своем подчинении других работников, как правило, чувствуют себя увереннее, чем простые исполнители, так как наличие подчиненных свидетельствует и о наличии власти над другими работниками, и об относительной ценности такого работника для компании. Наличие долгов по зарплате было значимым предиктором страха в первом подпериоде. Этот показатель косвенно отражал как экономическое состояние предприятия, так и относительную ценность работника для предприятия. Однако значимость этого фактора во втором периоде снизилась, так как случаи невыплат резко сократились.

Каково влияние на страх со стороны локального рынка труда? Передаются ли работникам сигналы от фактической безработицы, усиливая или ослабляя чувство страха? Оказывается, что если и передаются, то в довольно слабой степени.

Как уже отмечалось выше, мы используем три разных показателя состояния локального рынка труда. В первом подпериоде коэффициенты при всех из них оказываются отрицательными и незначимыми. Во втором все коэффициенты становятся положительными, но значимым оказывается коэффициент только при специфической неза-

нятости. Отметим, что коэффициенты являются положительными и значимыми, если применяется простое оценивание стандартных ошибок, а не робастное⁴². Но означает ли это, что более высокая безработица транслируется в более сильный страх? Ответ на этот вопрос требует дополнительного оценивания не только статистического, но и практического эффекта безработицы, и мы вернемся к нему ниже.

Связь между страхом потерять работу и личным опытом безработицы (при контроле всех других переменных) представлена в табл. 7. Мы приводим эти результаты в отдельной таблице, так как включение индикаторов личного опыта безработицы заметно сокращает размер выборки. Анализируемая связь является незначимой, независимо от того, какой индикатор прошлого опыта используется. Этот результат воспроизводится во всех спецификациях, в том числе на всех кросс-секциях за отдельные годы. (В целях экономии места мы приводим результаты только для показателя наличия хотя бы одного периода безработицы.) Отметим, что статистическая значимость коэффициентов при различных показателях фактической безработицы практически не меняется.

Таблица 7. Личный опыт безработицы и страх потерять работу, РМЭЗ, 1994–2008 гг., *oprobit*

Зависимая переменная: страх потерять работу (1 – мин., 5 – макс.)	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
Региональная безработица (%)	–0,010 (0,006)			0,018 (0,012)		
Специфическая безработица (%)		–0,003 (0,005)			0,001 (0,002)	
Специфическая незанятость (%)			–0,001 (0,005)			0,006*** (0,002)
Опыт безработицы (1 – есть, 0 – нет)	0,115 (0,073)	0,154* (0,081)	0,113 (0,080)	0,007 (0,034)	0,011 (0,033)	0,009 (0,033)

Примечание: 1) В скобках приведены стандартные ошибки, робастные к гетероскедастичности, автокорреляции и кластеризации; 2) *** – значимость на 1%-м уровне; ** – значимость на 5%-м уровне; * – значимость на 10%-м уровне; 3) В уравнении контролируются все ранее использованные переменные; 4) Оценки констант и уровневых значений (cut point estimates) доступны по требованию.

⁴² Выявленное изменение направления влияния согласуется с результатами предыдущих работ Гимпельсон и др., (2003) и Linz and Semykina (2008). Видимо, это можно интерпретировать как результат социального обучения.

Страх не найти работу

Результаты оценивания уравнения (1) для альтернативной переменной страха – страха не найти работу не хуже имеющейся (FEAR_2) – во многом повторяют представленные выше результаты. (табл. 8), но есть и некоторые отличия.

Таблица 8. Факторы, влияющие на страх не найти работу, РМЭЗ, 1994–2008 гг., oprobit

Переменные	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
Женщина	-0,542*** (0,032)	-0,540*** (0,033)	-0,535*** (0,060)	-0,293*** (0,034)	-0,294*** (0,034)	-0,236*** (0,037)
Возраст (лет)	0,020** (0,009)	0,020** (0,009)	0,020** (0,009)	0,003 (0,005)	0,004 (0,005)	0,003 (0,005)
Возраст в квадрате	-0,000 (0,000)	-0,000 (0,000)	-0,000 (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)
Пенсия	0,050 (0,062)	0,043 (0,064)	0,047 (0,063)	0,020 (0,035)	0,027 (0,034)	0,025 (0,035)
Образование: среднее (баз. группа: ниже среднего)	0,016 (0,041)	0,023 (0,042)	0,019 (0,043)	-0,078** (0,039)	-0,069* (0,037)	-0,075* (0,039)
Профессиональное	0,010 (0,042)	0,017 (0,040)	0,009 (0,061)	-0,111*** (0,032)	-0,113*** (0,032)	-0,228*** (0,051)
Третичное	-0,092** (0,046)	-0,079* (0,042)	-0,105 (0,164)	-0,078** (0,032)	-0,092** (0,037)	-0,362*** (0,103)
Спец. стаж	0,010*** (0,003)	0,009*** (0,003)	0,010*** (0,003)	0,023*** (0,003)	0,024*** (0,003)	0,024*** (0,003)
Спец. стаж в квадрате	-0,000* (0,000)	-0,000* (0,000)	-0,000* (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)	-0,000*** (0,000)
Брак	0,004 (0,039)	0,002 (0,039)	0,005 (0,039)	-0,012 (0,024)	-0,015 (0,024)	-0,011 (0,024)
Размер предприятия: менее 50 чел. (баз. группа: более 1000 чел.)	-0,153*** (0,053)	-0,152*** (0,053)	-0,153*** (0,053)	-0,102*** (0,028)	-0,099*** (0,029)	-0,101*** (0,028)

Переменные	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
51–100 чел.	-0,204*** (0,054)	-0,195*** (0,053)	-0,201*** (0,055)	-0,164*** (0,034)	-0,158*** (0,038)	-0,162*** (0,035)
101–200 чел.	-0,083 (0,059)	-0,085 (0,059)	-0,084 (0,060)	-0,078** (0,038)	-0,085** (0,039)	-0,081** (0,038)
201–1000 чел.	-0,056 (0,044)	-0,058 (0,042)	-0,056 (0,044)	-0,020 (0,032)	-0,023 (0,034)	-0,023 (0,033)
Гос. собственность	0,033 (0,029)	0,033 (0,030)	0,032 (0,029)	-0,042 (0,025)	-0,039 (0,025)	-0,039 (0,026)
Наличие подчиненных	-0,108*** (0,036)	-0,100*** (0,035)	-0,108*** (0,036)	-0,120*** (0,018)	-0,126*** (0,018)	-0,123*** (0,018)
Наличие второй работы	-0,428*** (0,047)	-0,437*** (0,047)	-0,430*** (0,047)	-0,439*** (0,042)	-0,431*** (0,043)	-0,442*** (0,043)
Сельская местность	0,346*** (0,070)	0,347*** (0,072)	0,352*** (0,071)	0,510*** (0,097)	0,495*** (0,100)	0,524*** (0,097)
Москва или С.-Петербург	-0,236** (0,100)	-0,247** (0,102)	-0,245** (0,099)	0,006 (0,097)	-0,081 (0,075)	-0,118 (0,073)
Задолженность по ЗП	0,133*** (0,026)	0,139*** (0,027)	0,136*** (0,027)	0,002 (0,031)	0,007 (0,032)	0,010 (0,032)
Региональная безработица (%)	0,007 (0,016)			0,024** (0,011)		
Специфическая безработица (%)		-0,000 (0,003)			0,002 (0,002)	
Специфическая незанятость (%)			0,000 (0,004)			0,006*** (0,002)
Количество наблюдений	11 369	10 998	11 332	42 628	40 995	42 628

Примечание: 1) В скобках приведены стандартные ошибки, робастные к гетероскедастичности, автокорреляции и кластеризации; 2) *** – значимость на 1%-м уровне; ** – значимость на 5% уровне; * – значимость на 10%-м уровне; 3) В уравнении контролируются занятия, федеральные округа и годы; 4) Оценки констант и уровневых значений (cut point estimates) доступны по требованию.

Женщины намного сильнее боятся, что не найдут сопоставимую работу. Эффект возраста во втором периоде исчезает, а эффект наличия семьи в оба подпериода отсутствует. Эффект места жительства сильно значим: горожане меньше боятся соответствующих трудностей, а жители Москвы и Санкт-Петербурга ощущают дополнительные преимущества. В первом подпериоде только третичное образование отрицательно влияло на страх, но и этот эффект исчезал в случае специфических групповых показателей безработицы и незанятости. Во втором подпериоде меньше всего были озабочены такими проблемами обладатели начального профессионального образования, а больше всего те, кто не имеет и общего среднего. При этом последняя группа значительно отличается от всех остальных. Наличие пенсии и второй работы дает «защищенный» доход, позволяющий его обладателю не спешить с поиском. В первом подпериоде подверженность задолженности по зарплате является фактором страха, но во втором это влияние исчезает.

Характеристики рабочих мест влияют на страх неоднозначно. Так, работники малых предприятий боятся в меньшей степени; по-видимому, они привыкли к частой мобильности и смене работы. Принадлежность к госсектору здесь не оказывает значимого влияния.

Теперь обратимся к показателям рынка труда. В первом подпериоде они все остаются статистически незначимыми, но во втором становятся значимыми с ожидаемым знаком. Однако только две из трех спецификаций (с переменными для региональной безработицы и специфически-групповой незанятости) сохраняют значимость при робастном оценивании стандартных ошибок.

По-иному выглядит эффект прошлого опыта. Наличие периодов безработицы в прошлом значительно усиливает испытываемый индивидом страх не найти работу не хуже той, что имеется в настоящее время (при контроле всех других переменных). Факт такой зависимости подтверждается данными табл. 9. По-видимому, те, кто лично уже сталкивался с необходимостью поиска новой работы, будучи при этом безработным, лучше представляет себе связанные с этим издержки. Использование альтернативного показателя, отражающего опыт безработицы в предыдущем году, подтверждает наличие связи между ним и страхом.

Таблица 9. Личный опыт безработицы и страх не найти работу, РМЭЗ, 1994–2008 гг., orprobit

Зависимая переменная: страх не найти работу (1 – мин., 5 – макс.)	1994–1998 гг.			2000–2008 гг.		
	RU	SU	SNE	RU	SU	SNE
Региональная безработица (%)	0.011 0.018			0.023** 0.011		
Специфическая безработица (%)		0.001 0.003			0.002 0.002	
Специфическая незанятость (%)			0.001 0.004			0.005*** 0.002
Опыт безработицы (1 – есть, 0 – нет)	0.154** 0.072	0.169** 0.077	0.150** 0.072	0.074*** 0.023	0.084*** 0.025	0.078*** 0.024

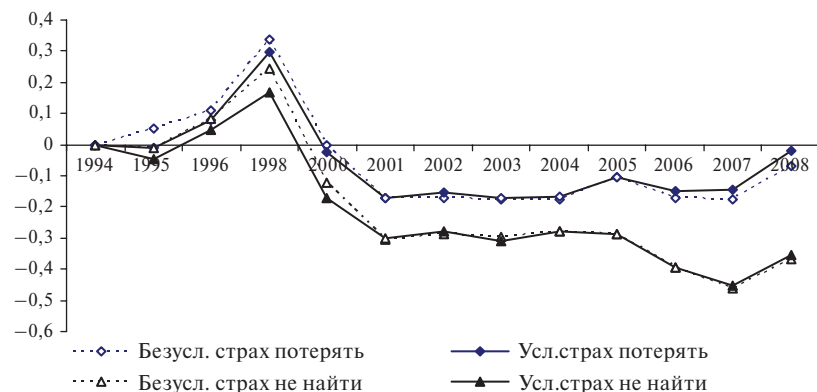
Примечание: 1) В скобках приведены стандартные ошибки, робастные к гетероскедастичности, автокорреляции и кластеризации; 2) *** – значимость на 1%-м уровне; ** – значимость на 5%-м уровне; * – значимость на 10%-м уровне; 3) В уравнении контролируются все ранее использованные переменные; 4) Оценки констант и уровневых значений (cut point estimates) доступны по требованию.

Динамика страхов

В наших уравнениях есть еще один важный параметр, стабильно сохраняющий высокую значимость. Это остаточный или чистый эффект времени (эффект года) проведения обследования, очищенный от влияния индивидуальных характеристик, характеристик рабочих мест и показателей безработицы. Фактически он отражает влияние социальной атмосферы в обществе, элементом которой является ощущение социальной защищенности, надежности и предсказуемости. Если фактическую безработицу можно сравнить с грозой (которая может быть сильнее или слабее), то эффект года – с ожиданием грозы и ощущением предгрозовой ситуации. Понятно, что не всякое ожидание заканчивается тем, что ожидаешь. Оно может формироваться под воздействием как научных прогнозов, так и совершенно ошибочной информации (сознательно или несознательно распространяемой – иной вопрос!). В этом смысле эффект года в нашей модели – это показатель социальной стабильности как эффект ожидания «грозы», которое может и не реализоваться.

На рис. 4 представлены изменения как средних значений показателей страхов (они показаны пунктирными линиями), так и чистых

эффектов времени (непрерывные линии) на протяжении всего периода 1994–2008 гг. В 1994–2001 гг. условные показатели (чистые эффекты времени) лежали несколько ниже средних (безусловных) значений, а в 2005–2008 гг. они поменялись местами. Другими словами, если в начале периода средние преувеличивали влияние времени на уровни страха, то в конце – чуть преуменьшали.

Рис. 4. Условная и безусловная динамика субъективных представлений о защищенности рабочих мест

Примечание. Безусловная динамика получена на основе оценивания уравнения (1) для всего периода 1994–2008 гг., содержащего только годовые дамми-переменные. Условная динамика субъективных представлений строится на основе годовых дамми-переменных из оценки полной спецификации уравнения (1) для всего периода 1994–2008 гг.

Можно отметить, что пиковые значения страхов пришлись на кризисный 1998 г., страхи ослабли к 2001 г., но в последующий период их значения оставались примерно на одном и том же уровне. Интересно, что 2002 г. – первый год действия нового Трудового кодекса – ничем не примечателен на фоне соседних лет. Это подтверждает отсутствие значимых институциональных изменений, связанных с данным законом. С 2001 по 2007 г. показатели страха не найти работу оставались примерно стабильными, демонстрируя лишь незначительные колебания. Страхи, связанные с поиском работы, не менялись в 2001–2005 гг., но становились еще слабее в 2006–2007 гг. Опре-

деленная смена картины произошла в 2008 г. на фоне нового экономического кризиса. Показатели годовых эффектов как прокси-переменные для социальной стабильности подскочили вверх, сигнализируя ожидание населением приближающейся сильной «грозы». Отметим, что именно ожидание, поскольку сама «гроза» (в виде катастрофической безработицы) в целом прошла мимо, задев лишь краем и несколько позже. Сбор данных РМЭЗ происходит в основном в октябре и ноябре, а основной прирост безработицы был зафиксирован статистикой лишь в начале 2009 г. В ноябре же уровень безработицы оставался на весьма умеренном уровне в 7%. Это соответствовало ситуации примерно 2004–2005 гг., считавшихся весьма спокойными и стабильными. Однако такая импульсивная реакция показателей страха на пока не случившуюся безработицу говорит о том, что люди не доверяют действующим институтам социальной защиты и слабо верят в то, что помощь государства в такой ситуации окажется действенной.

Условная динамика страхов – изменения показателей, рассчитанные с контролем возможных изменений в объясняющих переменных уравнения (1) – практически полностью соответствует безусловной динамике страхов. Это означает, что рост образованности рабочей силы и изменения в ее половозрастной структуре, изменения в структуре рабочих мест – увеличение занятости в негосударственном секторе экономики и на малых предприятиях – практически никак не влияли на изменения в ощущении страха безработицы.

6. Эффект безработицы: масштаб влияния

Итак, все полученные нами эконометрические оценки говорят о том, что уровень безработицы как фактор, потенциально генерирующий страх безработицы, в лучшем случае статистически слабо значим. В то же время, учитывая особенности порядковой пробит-модели, мы не можем прямолинейно интерпретировать коэффициенты регрессии в терминах эластичностей. Чтобы оценить не статистический, а практический масштаб влияния безработицы и других переменных на показатели страха, мы рассчитываем условные вероятности выбора респондентами значений шкалы, соответствующих

разным уровням страха. Мы варьируем значения независимой переменной, эффект влияния которой на страх хотим оценить, при этом фиксируя значения всех других независимых переменных на уровне средних по выборке. Такая процедура обеспечивает соблюдение методологического принципа «при прочих равных».

Поскольку межгрупповая и межвременная вариация в выборе позиции 4 достаточно слаба, мы фокусируем наш анализ на выборе крайнего значения 5 — более чувствительного к изменению внешних факторов. Рассчитанные разницы в средних условных вероятностях попадания в 5-ю группу для всех переменных представлены в графическом виде на рис. 5–6.

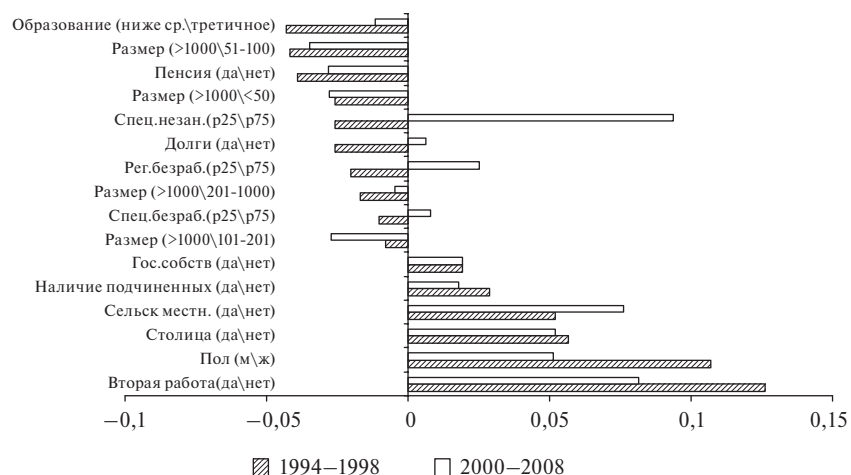

Рис. 5. Страх потерять работу: масштаб влияния различных факторов на вероятность попасть в группу 5 (макс. уровень страха)

Примечание. Первая категория в скобках представляет базовую группу, вторая категория — группу, которая сравнивается с базовой. Например, вторая работа (да/нет) означает, что сравнивается средняя вероятность попасть в 5-ю группу по страху тех, у кого нет второй работы, и тех, у кого вторая работа есть. Положительная разница для этого случая говорит о том, что отсутствие второй работы увеличивает вероятность попасть в группу 5.

Предположим, что уровень безработицы одномоментно подскочил от значения, равного 25-му перцентилю в распределении, до значения 75 перцентиля, а все остальные характеристики работников и

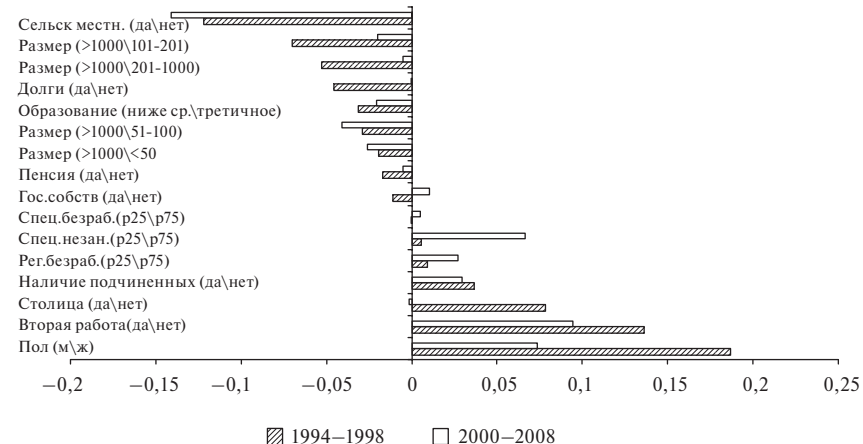

Рис. 6. Страх не найти работу: влияние различных факторов на вероятность попасть в группу 5 (макс. уровень страха)

Примечание. Первая категория в скобках представляет базовую группу, вторая категория — группу, которая сравнивается с базовой. Например, вторая работа (да/нет) означает, что сравнивается средняя вероятность попасть в 5-ю группу по страху тех, у кого нет второй работы, и тех, у кого вторая работа есть. Положительная разница для этого случая говорит о том, что отсутствие второй работы увеличивает вероятность попасть в группу 5.

рабочих мест зафиксированы на одном уровне. Сразу отметим, что это очень большое — просто шоковое — изменение ситуации на рынке труда. В первом подпериоде такой воображаемый скачок был бы равносильным условному «переносу» наших респондентов с рынка труда с уровнем (специфической) безработицы в 6,6% в рынок с уровнем в 14,1%, т.е. увеличение безработицы более чем вдвое! Как показывает рис. 5, в этом случае вероятность попадания в группу с максимальным страхом потери работы почти не изменилась бы (она снижалась на 0,01). Другими словами, реакция на внешнюю объективную ситуацию была не просто очень слабой; она шла в обратном направлении. По-видимому, это может объясняться тем, что в 1990-е годы россияне впервые в своей личной истории столкнулись с проблемой безработицы, про которую мало что знали и имели ограниченный опыт её переживания, а потому только начинали её для себя практически осваивать. Рост безработицы в стране в ходе реформ сопровож-

дался непрерывным социальным обучением населения, которое отчасти демпфировало и рационализировало её восприятие.

Во втором подпериоде эффект изменения специфически групповой безработицы на страх потери работы наконец приобрел «правильный» знак, но по величине оставался крайне слабым. Поскольку в это время в России безработица повсеместно снижалась, то уменьшение её уровня с 14,1 до 4,3% вызвало бы снижение условной вероятности субъективной реакции лишь на незначительные 0,08 п.п. (с 26,2 до 25,4%).

А как обстояло дело с реакцией показателя страха не найти равноценную работу? Она также была крайне вялой. В первом подпериоде рассматриваемое увеличение региональной безработицы с 7,9 до 11,5% повысило бы вероятность максимального страха с 36,6 до 37,5%, т.е. менее чем на 1 п.п. Однако изменение специфической безработицы (с 6,6 до 14,1%) вообще не влияло на интересующую нас переменную, а изменение специфической незанятости (с 24,9 до 68,4%) повышало вероятность страха всего на 0,5 п.п. Во втором подпериоде анализируемая реакция стала несколько более выраженной, хотя и оставалась весьма слабой. Так, почти удвоение региональной безработицы отзывалось увеличением вероятности страха на 2,7 п.п. (с 19,2 до 21,9%). Реакция же специфической безработицы была заметно слабее: увеличению безработицы с 4,3 до 13,2% соответствовал рост вероятности на 0,5 п.п. Правда, утроение специфической незанятости (с 26,9 до 75,7%) ассоциировалось с ростом вероятности на 6,8 п.п. Отметим, однако, что все симулируемые изменения в условиях функционирования рынка труда без преувеличения являются шоковыми, драматическими по величине. Это дополнительно иллюстрирует тот факт, что реакции показателей страха на изменения в безработице практически остаются слабыми, даже если они и статистически значимы⁴³.

⁴³ В работе Linz and Semykina (2008, p. 452) при увеличении уровня региональной безработицы вдвое (с 6 до 12%) в 1995–1998 гг. условная вероятность выбора позиций со страхом (4 + 5) возрастала всего на 2 п.п. (с 0,60 до 0,62), а в 2000–2004 гг. – на 5 п.п. (с 0,55 до 0,60).

7. Заключение

Любой страх сковывает разум и не способствует поиску оптимальных решений. Когда Ф. Рузвельт в своей известной инаугурационной речи говорил о том, что «больше всего мы должны бояться страха», он, возможно, имел в виду именно это. Чрезмерный страх безработицы не является исключением; при определенных условиях он парализует и рядовых граждан, и политиков, мешая рациональным поискам эффективных способов борьбы с той же самой безработицей. Многочисленные исследования, проводившиеся в разных странах, свидетельствуют о том, страх безработицы оказывает значительное воздействие на людей: и на фактическое поведение, и на психологическое состояние. Это сказывается на заработной плате, потреблении и сбережениях, здоровье, отношениях в семье и электоральных намерениях.

Используя данные массовых обследований российских домохозяйств (РМЭЗ) за 1994–2008 гг., мы фиксируем у наших сограждан сильно выраженные страхи потерять работу и при этом не найти новую сопоставимого качества. Это говорит о том, что россияне крайне низко оценивают как фактический уровень своей социальной защищенности (несмотря на высокий формальный уровень защищенности, закрепленный в Трудовом кодексе), так и свою конкурентоспособность на рынке труда. Значения уровня таких страхов намного выше, чем в странах – членах ОЭСР, и в целом соответствуют тем, что наблюдаются в странах Латинской Америки, где, как правило, полностью отсутствует институциональная система защиты от безработицы в её привычном для нас – европейском – виде.

От чего зависит сила страхов? Мы анализируем потенциальное влияние четырех групп переменных: i) индивидуальных характеристик работников, ii) характеристик рабочих мест, iii) состояния рынка труда и iv) эффектов времени (года измерения). Более образованные и молодые, мужчины, горожане и особенно жители столиц – при прочих равных – чувствуют себя лучше защищенными. Наличие альтернативного дохода в виде заработка на второй работе или пенсионного дохода выступает дополнительной защитой. Эти эффекты ожидаемы, тогда как эффекты со стороны рабочих мест менее очевидны. С увеличением размера предприятия ощущение защищен-

ности снижается, хотя, как известно, на малых предприятиях занятость намного гибче и социально защищена слабее. Влияние государственного сектора неоднозначно, но и там, где он ассоциируется с большей защищенностью, соответствующий количественный эффект оказывается очень слабым. Мы не можем исключить здесь действие неслучайного сортинга, соединяющего более «пугливых» работников и более защищенные рабочие места, хотя и не имеем строгого подтверждения этой гипотезы. Но если такой сортинг действительно имеет место, то наблюдаемый уровень страха оказывается даже ниже того, что мог бы быть при его отсутствии.

А каков же эффект фактического состояния рынка труда? Казалось бы, субъективная реакция населения должна отражать движение показателей безработицы. Тесная связь между ними, как правило, наблюдается в странах ОЭСР, но в России она практически отсутствует. Симуляция контрастных перепадов в уровнях безработицы не показывает ни заметного роста страха (когда безработица растет), ни его снижения (когда она падает). Даже если статистический вклад безработицы значим, практический остается ничтожным. Этот результат оказывается очень робастным и не зависит ни от используемой эконометрической модели, ни от тестируемой спецификации, ни от показателя безработицы.

Зависимость страха от индивидуальных характеристик и независимость от фактической ситуации на рынке труда предопределяют инерцию его значений во времени. Мы видим, что в 2001–2007 гг. на фоне сокращения безработицы в 2 раза и отсутствия увольнений по экономическим причинам страх оставался стабильно высоким. Вероятность самого высокого уровня страха потерять работу, «очищенная» от влияния индивидуальных характеристик, характеристик рабочих мест и показателей безработицы, составляла 25–30%, а вероятность выбора одной из двух позиций сильного страха – 52–55%. Приближение же «грозы» 2008–2009 гг. увеличило долю респондентов, выбирающих эти позиции, примерно на 4–4,5 п.п. Однако это был, по-видимому, преимущественно эффект нагнетания страхов политиками и средствами массовой информации.

К концу рассматриваемого периода жалобы работодателей на дефицит рабочей силы широко распространились, но «очищенные» от влияния прочих факторов вероятности страха не найти новую сопоставимую работу не опускались ниже 40% в более широком опреде-

лении и ниже 17% в узком. Возможно, что этот страх косвенно отражал непрекращавшийся процесс ухудшения структуры рабочих мест, сопровождавшийся ростом неформальной занятости.

Очень высокий фоновый уровень и устойчивость страха безработицы во времени имеют важные политико-экономические следствия. Модернизация экономики невозможна без глубокой модернизации всей системы институтов, включая институты рынка труда. Последние должны способствовать более эффективному использованию трудового потенциала, но это связано с ослаблением барьеров для трудовой мобильности. Устойчиво высокий уровень страха означает, что такого рода реформы могут вызвать дополнительное сопротивление людей. Отсюда также следует, что сохраняется (и, по-видимому, какое-то время будет сохраняться) сильное социальное и политическое давление в пользу более жесткого регулирования рынка труда (т.е. отказа от его реформирования). Если безработица не влияет на субъективные представления людей об их защищенности, то снижение безработицы само по себе не может открыть политическое окно для реформирования институтов рынка труда. Политики, интуитивно чувствуя повышенную озабоченность людей, замораживают назревшие экономические реформы, если такие реформы сопровождаются дополнительной волатильностью на рынке труда. Тем самым страх безработицы населения становится страхом политиков и стимулирует власти к дальнейшим популистским решениям. Это грозит лишь сокращением числа формально защищенных рабочих мест, в свою очередь еще более усиливающим страх. Тем самым мы оказываемся в порочном круге, из которого нелегко вырваться.

Российские власти, блокируя в ходе кризиса 2008–2009 гг. административными методами массовые увольнения и оказывая финансовую поддержку крупным предприятиям-банкротам, понимали возможные политические риски, связанные с ростом безработицы. Будучи не в состоянии предложить работникам «exit» (в виде рабочих мест), власти были озабочены предупреждением распространения «voice» (как массовых протестов). Другое дело, что предпринимавшиеся меры могли дать какой-то результат лишь в краткосрочном периоде, а общий набор «вертикально реализуемых» мер очень ограничен. Они не могли и не могут предотвратить дальнейшее вымывание рабочих мест, а вместе с тем и объективное нарастание незащищенности и подверженности работников рискам рынка труда.

Учитывая выводы из проведенного исследования, какие политические рекомендации мы можем предложить?

Во-первых, не следует лишний раз провоцировать у людей страхи, поскольку в нашем обществе степень алармизма и так беспрецедентно высока. А чем она выше, тем сложнее апеллировать к рациональным аргументам и агитировать в поддержку давно назревших реформ. Отметим, однако, что каждый экономический кризис в нашей стране на протяжении последних 20 лет кризисов сопровождался безудержным нагнетанием тревожности по поводу роста безработицы.

Во-вторых, ключевым направлением политики должно быть системное улучшение предпринимательского климата, ведущее к созданию рабочих мест. Ведь только изобилие последних может на деле убедить людей в том, что потеря работы не равносильна концу света, а открывает перед ними новые и, возможно, весьма многообещающие профессиональные перспективы. Это и есть социальная защита на деле, а не на бумаге.

Библиография

1. Aaronson D., Sullivan D. (1998) The Decline of Job Security in the 1990s: Displacement, Anxiety, and Their Effect on Wage Growth // *Economic Perspectives*. Vol. 1998. No. Q1. P. 17–43.
2. Aghion Ph., Algann Y., Cahuc P., Shleifer A. (2009) Regulation and Trust // *NBER*. No. 14648.
3. Anderson Ch., Pontusson J. (2007) Workers, worries and welfare states: Social protection and Job insecurity in 15 OECD countries // *European Journal of Political Research*. No. 46. P. 211–235.
4. Bender K., Sloane P. (1999) Trade Union Membership, Tenure and the Level of Job Insecurity // *Applied Economics*. Vol. 31. No. 1. P. 123–135.
5. Benito A. (2006) Does Job Insecurity Affect Household Consumption? // *Oxford Economic Papers*. Vol. 58. No. 1. P. 157–181.
6. Blanchflower D. (1991) Fear, Unemployment and Pay Flexibility // *Economic Journal*. Vol. 101. No. 406. P. 483–496.
7. Blanchflower D., Shadforth C. (2007) Fear, Unemployment and Migration // *NBER Working Paper*. No. 13506.
8. Bryson A., Cappellari L., Lucifora C. (2009) Workers' Perceptions of Job Insecurity: Do Job Security Guarantees Work? // *Labour* 23. No. S1 (Special Issue). P. 177–196.
9. Borghans L., Duckworth A., Heckman J., Weel B. (2008) The Economics and Psychology of Personality Traits // *Journal of Human Resources*. Vol. 43. No. 4. P. 972–1059.
10. Burchell B. (1994) The Effects of Labour Market Position, Job Insecurity and Unemployment on Psychological Health // *Social Change and the Experience of Unemployment* / D. Gallie, C. Marsh, C. Vogler (eds.). Oxford: Oxford University Press, P. 188–212.
11. Burgard S., Brand J., House J. (2009) Perceived Job Insecurity and Worker Health in the United States // *Social Science and Medicine*. Vol. 69. No. 5. P. 655–802.
12. Campbell D., Carruth A., Dickerson A., Green F. (2007) Job Insecurity and Wages // *The Economic Journal*. Vol. 117. No. 518. P. 544–566.
13. Clark A., Postel-Vinay F. (2007) Job Security and Job Protection. *Oxford Economic Papers*. Vol. 61. No. 2. P. 207–239.

14. Dominitz L., Manski C. (1996) Perceptions of Economic Insecurity: Evidence from the Survey of Economic Expectations // NBER Working Papers. No. 5690.

15. Fear: Its Political Uses and Abuses // Social Research. Vol. 71. No. 4.

16. Fullerton, Wallace (2007) Traversing the flexible turn: US workers' perceptions of job security, 1977–2002 // Social Science Research. Vol. 36. No. 1. P. 201–221.

17. Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukiyanova A. (2009) Employment Protection Legislation in Russia: Regional Enforcement and Labour Market Outcomes // IZA DP. No. 4484.

18. Gore A. (2004) The Politics of Fear // Social Research. Vol. 71. No. 4. P. 779–798.

19. Graham C. (2002) Public Attitudes Matter: A Conceptual Frame for Accounting for Political Economy in Safety Nets and Social Assistance Policies. The World Bank, SPDP Series No. 0233.

20. Green F., Felstead A., Burchell B. (2000) Job Insecurity and the Difficulty of Regaining Employment: An Empirical Study of Unemployment Expectations // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. Vol. 62. Special Issue.

21. Green F., Dickerson A., Carruth A., Campbell D. (2001) An Analysis of Subjective Views of Job Insecurity. Department of Economics Discussion Paper 01/08, Canterbury, University of Kent.

22. Krueger A., Schkade D. (2008) Sorting in the Labor Market. Do Gregarious Workers Flock to Interactive Jobs? // The Journal of Human Resources. Vol. 43. No. 4. P. 859–883.

23. Linz S., Semykina A. (2008) How do workers fare during transition? Perceptions of job insecurity among Russian workers, 1995–2004 // Labour Economics. Vol. 15. No. 3. P. 442–458.

24. Manski C., Straub J. (2000) Worker Perceptions of Job Insecurity in the Mid- 1990s: Evidence from the Survey of Economic Expectations // The Journal of Human Resources. Vol. 35. No. 3. P. 447–479.

25. Mughan, Lacy (2002) Economic Performance, Job Insecurity and Electoral Choice // British Journal of Political Science. Vol. 32. No. 4. P. 513–533.

26. Nandi A., Nicoletti C. (2009) Explaining personality pay gaps in the UK / Institute for Social and Economic Research, University of Essex, Working Paper No. 2009–22.

27. Neumark D., Polsky D., Hansen D. Has Job Stability Declined Yet? New Evidence for the 1990s // Journal of Labor Economics. Vol. 17. No. 4. Part 2. Changes in Job Stability and Job Security (Oct., 1999). S29–S64.

28. OECD Employment Outlook (1997). Ch. 5. Is Job Security on the Increase in OECD Countries?

29. Schmidt S. (1999) Long-Run Trends in Workers' Beliefs about Their Own Job Security: Evidence from the General Social Survey // Journal of Labor Economics. Vol. 17. No. 4. Part 2. Changes in Job Stability and Job Security (Oct., 1999). S127–S141.

30. Smyth D., Taylor S. (1992) Do group-specific or national unemployment rates influence perceptions? // Journal of Economic Behavior and Organization. Vol. 19. No. 3. P. 379–388.

31. Stephens J. (2003) Job Loss Expectations, Realizations, and Household Consumption Behavior // NBER Working Paper No. 9508.

32. Wasmer E. (2006) The Economics of Prozac: Do Employees Really Gain from Strong Employment Protection? // IZA DP No. 2460.

33. Вишневецкая Н., Капелюшников Р. (2007) Инфорсмент трудового законодательства в России: динамика, охват, региональная дифференциация: Препринт WP3/2007/02. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

34. Вишневецкая Н., Гимпельсон В., Капелюшников Р. (2008) Трудовое законодательство: анализ межрегиональных различий в практике правоприменения // Правоприменение: теория и практика / под ред. Ю. Тихомирова. М., 2008. С. 103–148.

35. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. (2003) Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Экономический журнал ВШЭ. Т. 7. №. 3. С. 341–370.

36. Гимпельсон В., Капелюшников Р. (2008) Применение трудового законодательства: роль судебной системы // Вестник общественного мнения. Левада-Центр. № 2.

37. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. (2007). Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком // Экономический журнал ВШЭ. Т. 11. № 2.

38. Гимпельсон В., Монусова Г. (2009) Страх безработицы и поведение работников на рынке труда: опыт межстрановых сопоставлений: Препринт WP3/2009/04. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

39. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А., Рыжикова З., Куляева Г. (2010). *Формы собственности в России: различия в заработной плате* // Журнал новой экономической ассоциации. № 5.

40. Гудков Л. (1999) *Страх как рамка понимания происходящего* // Мониторинг общественного мнения. №. 6. No. 44.

41. *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация* / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

42. Капелюшников Р. (2009) *Конец российской модели рынка труда?* М.: Либеральная миссия, 2009.

43. Мальцева И. (2009) *Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России?* // Экономический журнал ВШЭ. Vol. 13. №. 2. С. 243–278.

44. Монтень М. (1979) *Опыты*. М.: Наука, 1979.

45. *Нестандартная занятость в российской экономике* / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

Препринт WP3/2010/06

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Гимпельсон Владимир Ефимович, Ощепков Алексей Юрьевич

Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь?

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Н.С. Петрин*

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,1
Усл. печ. л. 3,02. Заказ № . Изд. № 1189

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики.

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
